

Полночь. За окном осталось лишь несколько огней, одиноко взирающих на глубокую ночь в Ласруе. Мужчина бесшумно приоткрыл дверь в 403-ю комнату и, ступая на цыпочках, приблизился к спящему Тан Цунъюню. Он безмолвно положил у изголовья его кровати шприц и ампулу с зеленоватой жидкостью.

Задержав на Тан Цунъюне взгляд на несколько секунд, мужчина смотрел на него с особой сосредоточенностью, словно сквозь черты его лица видел нечто иное. Затем он на цыпочках покинул комнату.

В 5:25 утра Тан Цунъюнь, воспользовавшись тусклым рассветным светом, приподнялся с кровати. Опираясь одной рукой на край, он второй случайно задел ампулу. Та покатилась в сторону. Травмированная лодыжка уже успела опухнуть, превратившись в плотный узел, и стоило едва коснуться её, как пронзала острая боль. Тан Цунъюнь взял лекарство с простыни, поднёс к носу, понюхал и, почувствовав странное удовлетворение, ввёл препарат прямо в припухшую рану.

Хотя не было никакой записки или пояснений, чтобы выяснить, кто это прислал, Тан Цунъюнь уловил в почти лишённом запаха воздухе едва уловимый аромат чьих-то феромонов.

По крайней мере, он смог ощутить в этом глубоко спрятанную заботу. В сердце, как и в больном месте, разлилось тепло — ровно столько, сколько нужно. Он только проснулся, и вчерашние тревоги ещё не успели догнать его мысли, а теперь их вытеснило необъяснимое чувство довольства. В приподнятом настроении он принялся за утренние процедуры. Как раз когда он закончил чистить зубы, за дверью раздался сигнал экстренного сбора. Не раздумывая, он бросился будить своего соседа по комнате, Цю Ли.

Если Цю Ли, только проснувшись, ещё не понимал, что происходит, то после двухсекундного зависания мозга, услышав сигнал, он издал крик, похожий на вопль резаной птицы: — Твою мать! — Его мозг попытался заработать на предельной скорости, не успев даже загрузиться, что привело к полному системному сбою.

— Это... это что такое? — заикаясь, спросил он.

Тан Цунъюнь, натягивая летние брюки, ответил:

— Не знаю, может, проверяют, сможем ли мы встать по сигналу.

Цю Ли кивнул, но, подняв голову, увидел, что Тан Цунъюнь уже зашнуровал армейские ботинки с невероятной для человека скоростью.

— Чем он занимался раньше? — этот вопрос не успел полностью оформиться в перезагрузившемся мозгу Цю Ли, так как он был слишком занят одеждой.

Примерно через минуту они оба выбежали из здания, лестницы были забиты бегущими вниз

студентами. Ласруй уже был окутан полусветлым небом, золотистые лучи пробивались сквозь горизонт, освещая здания из слоновой кости. Казалось, будто попал в сказочный мир.

У входа в общежитие стояли инструкторы всех классов, а за их спинами, кто как мог, приводили себя в порядок заспанные студенты. Первый класс не был исключением: двое или трое уже стояли на месте. Ван Чжан, стоявший впереди, сжимал в руке электронный секундомер, зажав в зубах жёлтый свисток. Он не сводил глаз с входа, и каждый раз, когда выбегал кто-то из его класса, он бросал взгляд на прибор, иногда поглядывая и на других.

Увидев выбегающих Тан Цунъюня и Цю Ли, он взглянул на секундомер, бесстрастно кивнул и кивком головы указал на конец строя. Встав на место, Тан Цунъюнь опустил глаза и увидел свои шнурки, которые жалко волочились по земле, успев собрать пыль и даже пару отпечатков ног. Пока Ван Чжан не смотрел, он быстро присел, чтобы завязать их, а когда инструктор обернулся, невозмутимо пнул камешек, лежавший под ногами.

Камешек, получив пинок, сменил место дислокации и жалобно замер в стороне.

Прошло полминуты. На секундомере Ван Чжана было уже две минуты двадцать секунд. Другие классы потихоньку расходились, некоторые даже свистели вслед раздосадованному Ван Чжану, отчего его лицо стало тёмным, как уголь.

Несчастные У У и Юэ Хэнцин, которого тот потащил за собой, выбежали из здания. Бросив взгляд на немногих оставшихся инструкторов и на почерневшее лицо Ван Чжана, они дрожащими голосами отрапортовали, надеясь смягчить наказание примерным поведением. К их удивлению, инструктор проигнорировал их и просто позволил встать в строй.

Лишь на третьей минуте одиннадцати секундах последние двое студентов выбежали из здания. Опустив головы, они встали в стороне, не смея взглянуть на инструктора. Почувствовав на себе взгляд, способный разрезать человека на куски, они услышали гневное: — В строй! — и, словно помилованные преступники, подавляя волнение и желая поскорее скрыться, трусцой пристроились в хвост колонны.

Когда все собрались, Ван Чжан не сказал ни слова, а лишь молча повёл их в тенистое место.

— Хорошо, — обратился он к первому классу. — Ничего не скажешь, первокурсники. Время сбора близко к худшему рекорду. Если на поле боя враг ночью ворвётся в казарму, вы тоже будете так собираться?

— А ну, бегом два круга вокруг Галереи великих людей!

Приказ был отдан, и весь класс рванул с места. Так называемая Галерея великих людей представляла собой скульптуры, установленные в углу кампуса. Эти великие люди либо оставили неизгладимый след в великих войнах, либо были офицерами Ласруя выше школьного ранга.

Когда девять человек пробежали мимо центральной скульптуры, взгляды многих задержались на красивом офицере, изображённом на ней. Сопровождающий инструктор вдруг рявкнул:

— На что уставились? Будете хорошо тренироваться — сами станете такими же.

В этих словах сквозила нескрываемая гордость. Человеком на скульптуре был Ли Тоу — самый молодой генерал-майор во всём государстве А. Он соответствовал обоим критериям для установки памятника: во-первых, полгода назад в той грандиозной войне он одержал полную победу и вернулся невредимым — по слухам, именно он был командующим той операции. Во-вторых, он был самым выдающимся выпускником Ласруя за последние пять лет, и он тоже был из первого класса Ван Чжана.

Инструктор Ван, словно пастух, погнал их на второй круг, а затем вернул к общежитию, дав десять минут на приведение в порядок и приказав немедленно спуститься для сбора.

— Брат Тан, я вчера слышал, что класс Ван Чжана всегда начинает тренироваться с оружием раньше остальных. Сейчас до обычного времени тренировок ещё есть промежуток, думаешь, нас будут нагружать сверх нормы, чтобы потом освободить время для чего-то другого? — спросил У У, догнав Тан Цунъюня.

— Возможно, — ответил тот, про себя удивляясь, как У У всегда удаётся собирать информацию.

Они вместе вошли в лифт.

Через десять минут все девять человек стояли внизу, ожидая приказов.

— Мы — первый класс, мы должны блистать на выпуске, поэтому и тренируемся больше остальных. Сегодня начнём с отработки строевого шага, — он обвёл взглядом девять стоявших навтыжку человек и, заложив руки за спину, заходил перед строем. — Все ведь умеют ходить строевым? На военной подготовке точно проходили, так что объяснять не буду, покажите, как умеете.

Результат оказался неплохим: все девять двигались слаженно, руки работали как часы. Даже строевой шаг после небольшой корректировки удалось выполнить сносно. Ван Чжан взглянул на часы — время сбора на утреннюю зарядку подходило к концу. Он повёл класс на плац. Директор Фэлла сидел на трибуне, осматривая первокурсников, как и вчера.

Однако сегодня на трибуне кое-кого не было, и Тан Цунъюнь почувствовал необъяснимую утрату или, скорее, разочарование, ведь он всё утро ждал встречи с Фэн Бэем. Неизвестно почему, он даже не сомневался в искренности заботы Фэн Бэя, не подозревая его в дурных намерениях. Он чувствовал лишь тепло, хоть эта забота и казалась странной. Но разочарование длилось недолго, так как директор Фэлла объявил новость, привлёкшую всё его внимание:

— Во-первых, в этом году есть хорошие новости, — на плацу воцарилась тишина, лишь голос из

микрофона разносился сквозь листву. — В этом году прямая армия увеличила набор наших студентов вдвое.

По рядам прошёл гул — никто не ожидал такой удачи.

— Второе: преподаватели выпускных классов должны совместно выбрать двадцать пять наиболее выдающихся студентов. Вышестоящее командование поставило перед Ласруем новую задачу. Это секретное задание, подробности будут объявлены в кабинете сегодня в полдень.

Неподалёку, спрятавшись в роще, Фэн Бэй и Цай Чэнь переглянулись, подумав об одном и том же.

— Ли Тоу? — вдруг произнёс Фэн Бэй. Он посмотрел на Цай Чэня, и тот серьёзно кивнул. — Хм, бездарный смазливчик, — холодно оценил он, а затем, взглянув на нахмурившегося Цай Чэня, который, казалось, о чём-то тревожился, обеспокоенно спросил: — Что случилось?

Никто не ответил. Они снова подумали об одном и том же, но под углом, который раньше даже не приходил им в голову.

Когда директор закончил, началась утренняя пробежка. И бежал не только первый класс. Тан Цунъюнь с той самой вчерашней улыбки прочно засел в памяти своего инструктора, и теперь все поручения по управлению строем или дисциплиной ложились на его плечи.

Тан Цунъюнь не жаловался, в душе даже гордился этим. Рассвет постепенно заливал академию, которая уже не была тихой. Топот ног, смех, перебранки и птицы, пролетающие сквозь кроны деревьев, взмахи крыльев которых поднимали ветер. Но этот небесный ветер не имел ничего общего с обливающимися потом студентами внизу. Он словно насмешливо взирал на них, спрашивая: — Зачем эти глупые люди изматывают себя, как собаки? — и разгонял пару облаков в лазурном небе.

Однако в этом цветущем, полном юношеской энергии Ласруе, потихоньку назревал тайный заговор. Чьи-то руки уже бесцеремонно тянулись к этому на первый взгляд ослепительному месту.

<http://bllate.org/book/22097/2297911>